

дентов, протестующее против выводов Аликса из его опроса молодежи.

В этом письме группа студентов возмущается претензией Аликса считать результаты своей анкеты отражающими мнение всей молодежи. Вот некоторые выдержки из этого письма, показывающие, что идеаллическая картина Аликса нуждается в некоторых поправках.

«...Мы слишком хорошо знаем, чьим непосредственным интересам служат действительные защитники порядка и как они никогда не забывают мимоходом отдаваться Муссолини. Что касается родины и семьи, и в частности Франции и нашей семьи, — они не имеют никакого влияния на наши умы. Никогда мы не признаем эти установления... Что касается сверхестественного, в той мере, в которой вы его приравниваете, по всей вероятности, к религиозной вере, и даже точнее — к католической вере, — нам с ними нечего делать...»

Если в этих словах нет еще настоящей революционности, то звучат они далеко не так буржуазно-добродетельно, как это хотелось бы Аликсу, и являются показателем намечающейся в среде буржуазной молодежи дифференциации.

Книга имеет несомненный интерес, как яркая картина положения на одном из участков классовой борьбы. Она показывает, что буржуазная и мелкобуржуазная молодежь в громадном своем большинстве завоевана фашизмом. Однако тонкая прослойка молодежи стремится вырваться из-под фашистского влияния, и наше дело помочь ей в этом всеми доступными нам средствами.

Т. Перимова

„Лефт“ № 2¹

Прошло полгода с тех пор, как, давая в рецензии т. Гельфанда²) развернутую критику ряда ошибок, допущенных в первом номере журнала «Лефт», мы выражали в то же время надежду на осуществление революционной перестройки журнала, — предпосылки которой намечались в известной степени уже тогда, — и писали, заканчивая оценку деятельности журнала, что мы «будем с нетерпением ждать второго выпуска «Лефта».

Последующие события показали, что надежды, возлагавшиеся нашим журналом на представителей лучшей части руководства «Лефта», от которых мы требовали признания и критики основных ошибок № 1 «Лефта», отмечавшихся в рецензии т. Гельфанда, и решительного разрыва с втершимися в состав сотрудников журнала социал-фашистами от Пуляйля и Кальвертона до Александра Коуна включительно, — в значительной мере оправдались. Мы считаем нужным привести здесь, в связи с этим, выдержку из одного из писем редакции «Лефта» в секретариат МОРПа, в котором редакция «Лефта» в лице тт. Джей Дю Вона, Марвина Клейна и Джорджа Редфильда в основном полностью солидаризируется с критикой первого номера «Лефта» в рецензии т. Гельфанда.

«Мы очень тщательно прочли вашу рецензию на № 1 «Лефта» за подписью т. Гельфанда. Мы хотели бы воспользоваться этим случаем, чтобы ответить на нее по пунктам, показав, каким образом «Лефт» выправил большую часть ошибок, заключавшихся в первом номере журнала, и объяснив, в какой мере мы принимаем ваши ценные советы и предложения в связи с нашими будущими номерами.

1. Мы согласны с вашей критикой первой редакционной статьи («Лефт» № 1), которую вы обвиняете в неполноте и абстрактности. В порядке объяснения, мы можем лишь повторить то, что мы уже писали вам в нашем первом письме: когда мы готовили наш первый номер, мы... не имели достаточного контакта с различными отраслями революционного движения. В настоящее время этот последний недостаток в значительной мере изжит.

2. Мы принимаем и считаем совершенно правильной вашу критику ошибки, допущенной нами в связи с опубликованием отрывка «Горький и Ленин» из книги Александра Коуна «Жизнь Ленина». Обратите пожалуйста внимание на то, что второй номер «Лефта» не содержит следующей главы из этой книги, как это анонсировалось в № 1.

3. В нашем предыдущем письме в МОРП мы уже признали ошибку, которую мы совершили, опубликовав статью Гарольда Сэлемсона «Французская литература левого направления». Чтобы изобличить многочисленные ошибки статьи м-ра Сэлемсона, мы написали т. Луи Арагону, прося его написать статью, которая окончательно разоблачила бы статью м-ра Сэлемсона и дала бы правильную оценку революционной литературе во Франции.

4. Что касается м-ра Кальвертона, то в нашем предыдущем письме в МОРП мы констатировали, что мы полностью порвали с ним всякую связь. Его имя уже не значится в списке наших постоянных сотрудников, и среди статей № 2 «Лефта» нет ни одной, которая была бы получена нами от него или через него.

5. Мы прочли с величайшим интересом ваши соображения по поводу попутнического движения. Мы знаем по нашему собственному опыту, что революционизирование известных элементов буржуазии и интеллигенции происходит с огромными трудностями и что плотины буржуазных воззрений, предрассудков и иллюзий все время препятствуют этому процессу. Мы должны сознаться, что № 1 журнала «Лефт» может, пожалуй, служить прекрасным примером того, как социал-фашизм пытается подчинить себе революционное течение и свести его к нулю; иными словами, примером такого рода попытки является деятельность Кальвертона, Коуна и К^о, вкравшихся в «Лефт».

Но мы настаиваем на том, что в наши намерения с самого начала входило создание подлинно революционного органа и что наша редакционная статья (хотя она и была отрывочна и излишне лаконична) выражала,

¹ „Лефт“, трехмесячник радикального и экспериментального искусства, № 2 (лето и осень 1931 г.). Дэвенпорт, Айоуэ.САСШ.

² „Литература мировой революции“, 1931 г., № 7.

тем не менее, наше твердое и искреннее желание восполнить эту задачу».

Мы горячо приветствуем эту здоровую самокритику, являющуюся залогом действительной искренности, желания руководящих товарищей из «Лефта» идти по пути революционной перестройки их журнала. Те факты, на которые ссылается редакция журнала в своем письме в МОРП, свидетельствуют о том, что эта перестройка в известной мере уже начата. К сожалению, второй номер «Лефта», которому посвящена данная рецензия, вышел раньше, чем его редакция могла ознакомиться с рецензией т. Гельфанда на первый номер журнала; однако уже и этот второй номер «Лефта» свидетельствует о несомненных сдвигах, изменивших к лучшему общую политическую физиономию журнала. Достижения «Лефта» заключаются не только в разрыве его с такими социал-фашистскими «теоретиками», как Александр Коун, Кальвертон и пр., но и в том, что второй номер «Лефта», по сравнению с первым, оказывается по своему содержанию в целом гораздо более тесно связанным с основными проблемами революционного движения в САСШ. Это находит в себе выражение как в том, что весь художественный материал номера в той или иной степени связан по своей тематике с американской революционной практикой, с проблемами безработицы, стачечного движения, революционизирования американского фермерства в связи с сельскохозяйственным кризисом, с вопросами советского социалистического строительства (очерк Эда Фальковского «Красное динамо»), так и в том, что теоретическая часть журнала затрагивает ряд актуальнейших проблем, разрешение которых стоит в порядке дня работы революционного культурного движения в САСШ. Конечно, и здесь, в постановке этих важнейших вопросов, у журнала имеется еще целый ряд более или менее серьезных недочетов принципиального порядка, которым в значительной степени и посвящена данная рецензия. Однако, принимая во внимание все эти недочеты, мы, тем не менее, считаем возможным дать второму номеру журнала «Лефт» положительную оценку, поскольку, несмотря на ряд своих недостатков, он все же свидетельствует о том же, о чем говорят и письма его редакторов в МОРП,—о готовности его идти по пути подлинной перестройки, по пути укрепления своей связи с революционным движением рабочего класса. Мы надеемся, что следующий, третий номер «Лефта» будет представлять собой новый шаг вперед на этом пути.

Не имея возможности подробно останавливаться на разборе литературно-художественного отдела «Лефта», мы должны отметить, как одно из лучших произведений, опубликованных в журнале, отрывки из пьесы выдающегося американского революционного драматурга Поля Питерса «Фермерская беднота»¹. Эта вещь,—как и остальные пьесы Питерса («Стальные люди», «Негр с пристани», «Аллилуйя, я бродяга»),—до сих пор, к сожалению, не имела возможности быть опубликованной

¹ „Dirt Farmer“—три сцены из пьесы, построенной по рассказу Уиттакера Чемберса о восстании арканзайских фермеров в 1930 г.

полностью; между тем, насколько можно судить о ней по отдельным сценам, напечатанным в «Лефте», она заслуживает большого внимания, как одна из первых и до настоящего времени чрезвычайно редких в американской литературе попыток дать действительно революционное разрешение проблемы разорения мелкого фермерства в условиях сельскохозяйственного кризиса.

В связи с отмечавшейся выше значительной тематической актуальностью литературно-художественных произведений, вошедших в состав второго номера «Лефта», надо, однако, указать, что большинство из них страдает еще недостатками, присущими в значительной мере всей американской революционной литературе в целом, связанными в конечном счете с недостаточным овладением боевым марксистско-ленинским мировоззрением и находящими себе выражение в отсутствии достаточно конкретного революционного политического подхода к общественной действительности, в эмпирическом регистрировании ее отдельных, изолированных событий, в созерцательности, ограничивающейся констатированием фактов, но не намечающей пути для их революционного преобразования. Это относится в особенности к рассказу Джона Чивера «Фолл Ривер» и «В поисках работы» Альберта Хоупера (известного советскому читателю по рассказу «На берегу», напечатанному в «Вестнике иностранной литературы» (1930 г., № 1)). Оба они посвящены проблеме безработицы. Хоупер берет безработицу, как отдельный частный факт, в его внешней случайной форме, без развития его внутреннего содержания, без возведения его на степень общественного явления. Безработица, как следствие всеобщего кризиса капиталистической системы, безработица, как мощный фактор революционизирования миллионов трудящихся масс,—все это выпадает из поля зрения Хоупера как художника. Отсюда общая неубедительность рассказа, общее производимое им впечатление незаконченности, обрывчатости, нетипичности его образов, классовая сущность которых не получает себе достаточного развития.

Основной недостаток Джона Чивери в «Фолл Ривер»—рассказе на тему о кризисе и безработице в фабричном городе,—это пассивность, созерцательность его метода. Отсутствие, как и у Хоупера, четкого классового представления о сущности безработицы, о сущности капиталистического кризиса приводит в конечном счете к полному притуплению революционной направленности его рассказа. Крайне показательны, что основными противоречиями, на которых строится рассказ, оказываются не противоречия классового социального порядка, противоречия, определяющие собой развитие и углубление капиталистического кризиса, а противоречия, сводящиеся к гуманистическому противопоставлению людей «вообще» и природы. Противоречие между гнетущими, тоскливыми настроениями людей в связи с общим кризисом, с одной стороны, и наступлением весны, с другой, выступает как основная проблема рассказа Чивера. При этом если безработные Чивера тоскуют и не находят выхода из своего положения, и наступление весны оказывается для них лишь контрастом, лишним раз подчеркивающим тяжесть

их положения, то почти точно в таком же плане показывает Чивер и капиталистов.

«В Бостоне богатые люди нервничали. Наступила весна, но для них это ничего не меняло. Их приводило в ужас то, что им придется, возможно, пережить еще такой же сезон. Они кое-как перебились зиму, в поисках удовольствий прежних лет... Было бы неверно обвинять их в несправедливости. Они не могли примениться к новым нуждам. Они нервничали, неуклюже пытались справиться с гигантскими событиями, руководство которыми попало в их руки».

В связи с этим особенно характерна концовка рассказа, полностью снимающая проблему безработицы, как проблему социальную, путем ухода в природу, в «общечеловеческие», чисто биологические переживания в связи с приходом весны.

«В воскресенье приехал Поль в своем новом сверкающем автомобиле и взял нас с собой на ферму. Полю везло, он преуспевал. Он показал нам свою машину на полном ходу и чудесные маленькие колесики, вращающиеся под чехлом... Большой белый дом направо от реки и спускающийся к ней фруктовые сады остались без перемен. Мани вышла к дверям в длинном светлом платье и повела нас в свой сад. Там, сквозь твердую землю, пробивались крепкие желтоватые ростки. Мани сказала, что уже наступила весна. Небо тяжело нависло над нами. Птицы носились в нем навстречу друг другу, словно под высоким куполом. Там, где кончалась река, фабрики стояли без движения, и парходы покачивались по течению в ожидании грузов. Мани сказала, что весна снова наступила, и потушила свою папиросу. Весна наступила снова, сказала Мани».

Мы считаем нужным уделить особенное внимание теоретическому отделу «Лефта», представленному целым рядом статей. Каждый, интересующийся положением на теоретическом фронте американского революционного литературного движения, с особенным вниманием следит за работой «Лефта» в этой области уже просто в силу того, что возможность «Лефта» в смысле помещения общетеоретических и специально литературно-критических статей, ввиду сравнительно значительного размера журнала (около 100 страниц), гораздо шире, чем, например, соответственные возможности «Нью-мессес», лишь недавно расширившихся с 24 до 32 страниц.

Работа в области теории до сих пор продолжает оставаться одним из наиболее «узких мест» не только литературного, но и всего культурного революционного движения Соединенных штатов в целом. Сравнительная молодость движения, с одной стороны, с другой стороны, специфическое пренебрежение теорией вообще, характерное для всей американской буржуазной культуры в целом, возведшей свой «ползучий эмпиризм» в систему в лице прагматизма с Уильямом Джемсом во главе, — пренебрежение, которое не могло не оказаться в известной степени заразительным и для нашего революционного движения на ранней стадии его развития, — все это обусловило собой как количественную нехватку теоретических кадров революционного культурного движения, так и их недостаточно высокую, в

общем, теоретическую подготовленность. Следствием этой теоретической слабости сплошь и рядом была парализация классово-бдительности нашего движения в Америке, в целом ряде случаев не дававшего должного отпора фашистским и социал-фашистским классово-враждебным выступлениям на литературно-культурном фронте или дававшего его им лишь со значительным опозданием. Наряду с этим развитие многообразных рабочих культурных организаций в значительной мере шло и продолжает идти стихийно, при отсутствии достаточного систематического теоретического руководства, при отсутствии подытоживания всего опыта их работы. Ликвидация этого общего теоретического отставания (констатированного еще Международной Харьковской конференцией) является неотложной задачей американского литературно-культурного движения, уже сейчас делающего известные шаги в этом направлении. Так, например, под знаком ликвидации отставания в области теоретической работы проходит в значительной мере перестройка «Нью-мессес»; последние номера журнала свидетельствуют о наличии некоторых достижений в этом направлении.

С этой точки зрения среди статей по теоретическим вопросам, опубликованных во втором номере «Лефта», особенного внимания заслуживают три: «Долгий путь» — социологический очерк Мэррэй Годвика, «Мыслитель Паунд и другие итальянские легенды» — статья Доналя Маккензи против фашистского поэта Эзры Паунда и статья Леона Деннена о Плеханове, — статьи, боевые по своей субъективной направленности, но страдающие еще рядом ошибок, нуждающихся в серьезной критике. Статья Леона Деннена «Плеханов и марксистский подход к искусству», направленная против американской социал-фашистской критики, — в частности против Кальвертона с его статьей в № 1 «Лефта», — представляет собой большую ценность, будучи, насколько нам известно, первой в Америке попыткой использования и освоения плехановского литературоведческого наследия. Однако уже теперь мы должны предостеречь наших американских товарищей от опасностей, связанных с некритическим отношением к системе плехановской идеологии, каким, в целом, страдает статья Деннена. Такого рода ошибочное отношение к Плеханову не является новостью в истории развития международного пролетарско-революционного литературного движения. Такая ошибка, в частности, была совершена в свое время РАППом, проводившим в 1929 г. борьбу за разоблачение литературоведческой концепции Переверзева, представлявшего собою на практике одного из литературных идеологов II Интернационала, — под лозунгом «борьбы за плехановскую ортодоксию».

Ошибочность такого рода подхода к Плеханову раскрывается полностью с точки зрения ленинского этапа в литературоведении.

В отрывке «К вопросу о диалектике»¹ Ленин дает ключ к пониманию основного порока философской концепции Плеханова. Устанавливая, что

«раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из

«сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт диалектики)», Ленин указывает, что

«на эту сторону диалектики обычно (например у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например зерно», «например первобытный коммунизм...»), а не как закон познания (и закон объективного мира)». И далее: «...в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке») вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на любом простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов» (разрядка Ленина. — А. Е.).

Плеханов-недиалектик, Плеханов-механист — и Плеханов-меньшевик, Плеханов-теоретик II Интернационала — это две стороны одной и той же медали. Было бы глубочайшей ошибкой производить между ними механистический разрыв, противопоставлять Плеханова-теоретика Плеханову-политику. То плехановское «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины», о котором говорил Ленин, характеризуя политические позиции Плеханова в эпоху 1905 г., меньшевистское выхолащивание Плехановым революционной сущности марксизма в лице диалектики, не могли пройти и не прошли бесследно для всей системы его литературоведческих взглядов.

Абстрактное логизирование, внеисторизм, отрыв теории от практики, механицизм — все эти общие свойства плехановской методологии обуславливают и определяют собой целый ряд его конкретных ошибочных установок в области литературоведения, тем более опасных, что они преподносятся Плехановым под флагом борьбы за ортодоксальный марксизм.

Меньшевистская оппортунистическая сущность плехановского метода находит себе выражение уже и в его «пятичленной формуле», определяющей взаимоотношения между базисом и надстройками, — которую, между прочим, цитирует и Деннен. Не случайно, что классовая борьба как движущая основа всей «писаной истории» человечества выпадает из плехановской формулы — формулы застывшей, неподвижной и глубоко недialeктической по своей сущности. В связи с этим, с другой стороны, не менее важно отметить, что Плеханов ни словом не упоминает здесь об активной общественной роли идеологии как одной из форм классовой борьбы, ни словом не упоминает о возможности обратного воздействия идеологических надстроек на социально-экономический базис.

Раскрывающийся на примере данного случая объективизм Плеханова обуславливает собой весь характер его конкретных литературоведческих работ, ограничивающихся, как правило,

исключительно объективистским установлением связи между теми или иными произведениями искусства и определившимися их общественно-политическими условиями.

Эти объективистские методологические установки находят себе выражение в типичном для плехановского литературоведения отрыве теории от практики, в противопоставлении искусства публицистике. Чрезвычайно ярким примером может служить хотя бы отзыв Плеханова о романе Горького «Мать» — одном из первых и лучших произведений пролетарской литературы, — которому он, в полном соответствии со своими общими меньшевистскими установками, дает резко отрицательную оценку.

«Горький, — пишет Плеханов, — уже считает себя марксистом, ведь в своем романе «Мать» он уже выступил как проповедник марксовых взглядов. Но этот же роман показывает, что для роли проповедника этих взглядов Горький совершенно не годится, так как Маркса он совсем не понимает... Понять марксизм вообще полезно и приятно. А г. Горькому понимание его принесет еще и ту незаменимую пользу, что ему станет ясно, как мало годится роль проповедника, т. е. человека, говорящего преимущественно языком логики, — для художника, т. е. для человека, говорящего преимущественно языком образов. А когда г. Горький убедится в этом, он будет спасен»¹.

Надо приветствовать то обстоятельство, что т. Леон Деннен в своей статье в «Лefте», идя тем самым, фактически, вразрез с Плехановым, совершенно правильно подчеркивает боевую роль революционного искусства как одной из форм классовой практики пролетариата. Однако ему следовало бы уже здесь открыто противопоставить свою концепцию практической классовой функции искусства плехановскому меньшевистскому объективизму.

Следует ли из всего вышесказанного, что мы должны полностью отказаться от плехановского литературоведческого наследия? Конечно, нет. Еще Ленин указывал в свое время на то, что

«теоретические работы Плеханова... остаются прочным приобретением социал-демократии всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой мысли», до забвения или отрицания возможности этих приобретений».

Нашей задачей является, — беря в плехановском наследии то ценное, что в нем имеется, — подойти к нему с ленинских позиций, противопоставить недialeктичности плехановского метода — революционную диалектику марксизма, плехановскому меньшевистскому объективизму — ленинское учение о партийности литературы, плехановскому абстрактному внеисторизму — живую конкретность классовой практики пролетариата.

Размеры данной рецензии не позволяют, конечно, дать сколько-нибудь исчерпывающей критической переоценки всего литературно-методического наследия Плеханова. Это — задача специальной статьи. Здесь необходимо только остановиться еще на плехановской постановке вопроса о двух актах материалисти-

ческой критики, поскольку Деннен в своей статье ограничивается механическим приведением соответствующей цитаты из Плеханова. Механистический разрыв между познавательным моментом критического анализа и моментом оценочным, совершаемый здесь Плехановым, есть неизбежное следствие общей внедиалектичности его мировоззрения и приводит его в конечном счете к отходу от монистического метода — основы диалектического материализма.

Статья Доналя Маккензи «Мыслитель Паунд и другие итальянские легенды»¹, будучи направлена против известного американского буржуазного поэта Эзры Паунда² живущего последнее время в Италии, ставит актуальнейшую проблему разоблачения агентуры фашизма в литературе.

Однако, критикуя позиции Эзры Паунда, в связи с его выступлением в ответ на статью Майкла Голда в октябрьском номере «Нью месес» за прошлый год, и правильно указывая эту критику с разоблачением фашизма в целом (и в частности итальянского фашизма, с которым Паунд ближе всего связан уже в силу своего постоянного пребывания в фашистской Италии), Маккензи исходит в своей критике в конечном счете из неревolutionных предпосылок, остается в своей оценке фашизма на точке зрения мелкого буржуа. Характерно, что основным фактом, который Маккензи вменяет в преступление итальянскому фашизму, является то, что «каждый лавочник должен платить подоходный налог». «Высокие процентные отчисления и недостаточно низкий уровень подоходного налога — вот что погубит Италию», — таковы окончательные выводы Маккензи. Такого рода критика фашистской системы явно бьет мимо цели. Фашизм как метод контрнаступления мировой империалистической буржуазии на революционный пролетариат, фашизм как «превентивная контрреволюция», со всей его классовой политической спецификой фактически выпадает из поля зрения Маккензи. Хотя он и отговаривается, что «методы фашизма не только негуманны, но они приведут его к поражению на экономической и социальной почве», однако статья его в конечном счете сводится к протесту против фашизма как против тирании вообще. С этой типично мелкобуржуазной по своей природе, недостаточно классовой четкостью общего подхода Маккензи к фашизму неразрывно связано и характерное для него игнорирование революционной боеспособности пролетариата в борьбе с фашизмом. Маккензи не только недоучитывает роста итальянского революционного рабочего движения, развивающегося, несмотря на все преследования, хотя бы даже и в нелегальных условиях, недоучитывает героической борьбы итальянской компартии, — он приходит к полному отрицанию наличия в настоящее время массового революционного движения в Италии. Говоря о предательской роли вождей итальянской социал-

¹ Название статьи «Thinker Pound and other Italean legends» заключает в себе неперевожимую игру слов, поскольку по-английски слово «мыслитель» (thinker) по своему написанию различается только одной буквой от слова «лудильщик», «паяльник» (tinker).

² Последние выступления Паунда в голландском журнале «Фронт» в 1931 г. подверглись частичной критике в нашем журнале в статье «Чей фронт» («ЛМР», 1931 г., № 8—9).

демократии в эпоху послевоенного подъема итальянского революционного движения, Маккензи утверждает, что эта измена социалдемократии окончательно парализовала революционную активность итальянских рабочих масс. «У них не осталось больше никакой веры. Великие массы временно омертвели. Они возвращаются к церкви и вновь преклоняются перед бледной красотой смерти» (разрядка автора. — А. Е.). Такого рода выводы, ликвидаторские по своей сущности, могут в конечном счете лишь повредить революционному движению итальянского пролетариата, принижая его значимость, игнорируя его боеспособность. Наконец, о третьей статье — о «Долгом пути» Мэррей Годвина.

Судя по его письму в редакцию, опубликованному в том же втором номере журнала, автор статьи ставил перед собой, так же как и Маккензи, задачу борьбы с фашистской идеологией, — в частности с фашистской теорией, санкционирующей буржуазную диктатуру как следствие «естественной иерархии природы», неизбежно якобы обрекающей слабых индивидуумов на подчинение сильным.

Нет необходимости доказывать, насколько актуальна задача, которую ставит перед собой Годвин. Ее значение в особенности усиливается в связи с тем, что те буржуазные «теории» классовой борьбы, о которых он говорит в приведенной цитате, еще нередко продолжают находить себе известное отражение в идеологии некоторой части близко стоящих к нам революционных писателей-попугачков. «Дарвинообразная» концепция классовой борьбы, как процесса «естественного отбора» «более сильных, более жадных, более хитрых» человеческих особей, до сих пор продолжает еще, например, сказываться в известной мере даже в самых последних выступлениях Драйзера, вплоть до его «Трагической Америки» включительно.

Однако приходится констатировать, что в своей полемике с буржуазными теоретиками по вопросу о сущности и происхождении государства как орудия классовой борьбы Годвин едва не скатывается в лагерь своих оппонентов. Вместо того, чтобы установить, что классовая борьба, классовые противоречия зарождаются на основе производственных отношений между людьми в самом процессе производства, показать, как классовая борьба определяется развитием общественных производительных сил, и, исходя из этого, нарисовать картину разложения первобытно-коммунистического строя на основе роста производительных сил, связанного с этим разделением труда, накопления, зарождения частной собственности, разделения общества на классы и образования государства как аппарата классового господства, — вместо этого Годвин выдвигает теорию, провозглашающую завоевание единственным решающим фактором, способствовавшим появлению классовой борьбы и обусловившим зарождение государства в первобытном обществе.

Эта теория, не отличающаяся ни новизной, ни оригинальностью, заставляет его рабски следовать по пятам буржуазной социологии, — достаточно вспомнить в качестве примера хотя бы известного германского государствоведа конца прошлого века, Людвиг Гумпловича,

видевшего основную причину, обусловившую зарождение государства, в первобытном обществе, в завоевании одной расы представителями другой.

Таким образом, приходится констатировать, что, несмотря на несомненную субъективную положительность его намерений, Годвин в своей статье, увлекшись чуждой марксизму теорией завоевания, как всеопределяющего движущего фактора общественного развития, подменяя диалектику зарождения противоречий классовой борьбы в первобытном обществе голым фактом насилия «сильных» завоевателей над «слабыми» побежденными, незаметно для себя самого оказался в роли оруженосца своих идеологических противников.

Задача борьбы за попутнические кадры, за овладение и руководство попутническим движением является одной из самых основных, самых неотложных задач нашего пролетарско-революционного литературного движения. С этой точки зрения следует приветствовать общую установку редакции «Лефта» в организации библиографического отдела журнала, строящегося в значительной мере под углом проблемы революционного попутничества в искусстве и литературе (таковы рецензии на книги Драйзера, Синклера, Боба Брауна и др.). Однако, надо отметить, что, давая в общем правильный подбор рецензируемой литературы, журнал в лице своих рецензентов не всегда подходит с необходимой чуткостью к проблеме руководства попутническими кадрами и в особенности к актуальнейшей проблеме привлечения на сторону революционного движения представителей колеблющихся слоев мелкой буржуазии, переживающей под влиянием кризиса процесс все усиливающегося распада, все обостряющейся классовой дифференциации.

В настоящее время, в момент величайшей напряженности классовой борьбы в интернациональном масштабе, завоевание каждого нового честного союзника, хотя бы еще во многом заблуждающегося, но действительно помогающего нам в нашей борьбе, — дело огромного политического значения, прямая обязанность всего революционного движения, пренебрежение которой было бы просто преступно. Естественно, что задача борьбы за овладение попутническими кадрами диктует крайне бережную, крайне чуткую тактику по отношению к ним. Было бы, конечно, глубоко ошибочно делать отсюда вывод о необходимости жертвовать принципиальной идейно-политической чистотой движения во имя приобретения лишних союзников. Нет, речь идет лишь о том, чтобы, оценивая и критикуя отдельные литературно-художественные произведения того или иного революционного или хотя бы только переживающего процесс революционизации художника или писателя, рассматривать их не в их имманентном самодовлеющем значении, не изолированно, а связывать их со всей общей физиономией их автора, складывающейся как на основе его художественной, так и публицистической и непосредственно практической политической деятельности, связывать их со всем его прошлым, и не только с прошлым, но и с будущим, — в той мере, в

какой это будущее можно уже сейчас преду-

гадать на основании всей его предшествующей деятельности. Эта максимально чуткая, максимально бережная тактика по отношению к писателям, имеющим в той или иной мере право на звание попутчиков революционного рабочего движения, не вполне выдерживается журналом «Лефт». В частности это сказывается в рецензии Филиппа Стерлинга на последний роман Эптона Синклера «Мокрый парад», действительно, роман неревOLUTIONный ни по постановке разрабатываемой им проблемы — проблемы алкоголизма (который Синклер изображает как своего рода «корень зла» всего американского капитализма), ни по ее конечному разрешению. Но имеем ли мы право делать отсюда вывод о том, что «с появлением «Мокрого парада» мы утратили последнюю надежду на революционное перерождение Синклера? Можно ли так пренебрежительно отмахиваться от всей революционной направленности публицистической деятельности Синклера, как это делает Стерлинг в заключительных строках своей рецензии?

«Синклер попрежнему будет давать свое имя для использования его в отдельных случаях ради дела рабочего класса, будет продолжать писать по поводу рабочих. Тем временем он будет попрежнему создавать свои обемистые труды о том, как надо есть, пить, вести половую жизнь, голосовать. Он будет цепляться за звание социалиста и настаивать на том, что рабочий класс непосредственно нуждается не в революции, а в изучении диететики».

Мы знаем, как расценивал в свое время еще Ленин значение политической публицистической деятельности Эптона Синклера, противопоставляя его выступление против империалистической войны высказываниям теоретиков империализма в лице Роберта Блонфорда, констатируя, что обращение Синклера — «это наивное, теоретически непродуманное, но глубоко верное предостережение насчет опшления социализма и призыв к революционной борьбе»¹. И далее, если перейти к самому последнему периоду в публицистической деятельности Синклера, разве его недавняя статья «Перманентный кризис», предназначенная для американского журнала «Мыслитель» и получившая столь широкую огласку в нашей советской печати, — разве она, исходя от одного из крупнейших писателей современной Америки и разоблачая подлинную сущность американского капиталистического «процветания», противопоставляя всеобщему кризису капиталистической системы строительство социализма в Советском Союзе, не имела большого политического значения как орудие революционной критики капитализма?

Конечно, мы знаем, что над творчеством Синклера тяготеет еще тяжелый груз непреодоленного реформизма, что на его пути нередко бывают срывы, в результате которых ему случалось скатываться чуть ли не до роли апологета капиталистической «просперити» (как, например, в романе «Маунтен сити») или выступать в качестве защитника и проводника самого реакционного мистицизма (в пресловутом «Духовном радио»). В этом отношении Стер-

линг прав, конечно, в своей оценке «Мокрого парада». Но все эти обстоятельства лишь обуславливают необходимость еще более внимательного отношения к творчеству Синклера, еще более систематической дружеской критики его ошибок. Вся политическая деятельность Синклера в целом и каждое отдельное его выступление в защиту рабочего класса, в защиту революционного движения настолько ценны для нас, что мы никоим образом не можем относиться к ним так пренебрежительно, как это делает Стерлинг. Этот недостаточно бережный подход к Синклеру еще менее оправдан при сравнении рецензии Стерлинга с помещенной в том же втором номере «Лефта» рецензией Эдвина Рольфа на рассказы Эрскайна Колдуэлла, писателя несравненно более далекого от подлинно революционной идеологии, чем Синклер. Рецензент, однако, ни в коей мере не теряет надежды на привлечение его в ряды революционных писателей-попутчиков.

Замечания, сделанные в связи с рецензией Стерлинга на роман Синклера, могут быть в известной степени применены также и к рецензии М. К. на книгу известного американского критика Эдмунда Уильсона «Замок Аксея», посвященную критическому анализу искусства, связанного с загниванием капитализма, — в частности анализу символизма. Здесь опять-таки рецензент рассматривает книгу Уильсона в отрыве от всей совокупности публицистических высказываний ее автора за последние один-два года, в отрыве от его практической работы в качестве участника революционного движения. Такого рода подходом объясняется то, что рецензент, давая общую оценку идеологическим позициям Уильсона, характеризует его как представителя «бессильного и бесплодного либерализма». Если привлечь ряд последних публицистических печатных выступлений Уильсона (начиная с его статьи в «Нью рипаблик» от 14 января 1931 г., где он впервые разоблачает романтику «старой американской легенды о бедном мальчике, который становится миллионером», и кончая его сравнительно недавней статьей в «Нейшен» от 27 января 1932 г., где он, сознательно солидаризируясь с точкой зрения Маркса, выдвигает тезис о построении бесклассового общества, опираясь в качестве доказательства на социалистическое строительство в СССР), станет ясно, что эта характеристика должна претерпеть существенные изменения. Как бы ни были значительны пробелы и срывы в последних политических заявлениях Уильсона, несомненно во всяком случае, что «бессильный и бесплодный либерализм» становится для него уже заведомо пройденным этапом. Этот факт находит себе лишнее подтверждение в непосредственном контакте Уильсона с рабочим движением, развившимся хотя бы, например, в его участии в работе писательской комиссии, посетившей стачечные районы штата Кентукки и подвергшейся там ожесточеннейшей травле (ярким отчетом об этой поездке может служить статья самого Уильсона «Образчик классово-борьбы» в апрельском номере «Нью мессес» за 1932 г.).

Остановившись на этих отдельных ошибках, связанных с самым подходом к оценке твор-

чества тех или иных писателей, следует, однако, отменить в общем сравнительно высокий политико-теоретический уровень библиографического отдела второго номера «Лефта». Надо, в частности, указать на правильную оценку романа Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», появление которого вызвало в свое время столь невероятную путаницу в американской революционной критике, вплоть до провозглашения этого романа на страницах «Нью мессес» чуть ли не образчиком советской пролетарской литературы. Рецензия «Лефта» на роман Пильняка лишней раз дает отпор такого рода ошибочным тенденциям, позволявшим протаскивать произведение, клеветущее на наше социалистическое строительство, под маской «пролетарского» романа. Заключительные строки рецензии «Лефта» на книгу Пильняка не оставляют никаких лазеек для такого рода тенденций. «Нет, — пишет автор рецензии, — мы не можем согласиться с Кьюницем, что судьба таких людей, как Пильняк, трагична. Трагично в действительности то, что, будучи неспособны понять сущность революционной России, они клеветают на нее ради своих литературных целей».

В заключении — несколько слов о письмах в редакцию «Лефта», опубликованных во втором номере журнала. Здесь, наряду с информацией о развитии революционного культурного движения (отчет о работе чикагского клуба Джона Рида в письме организационного секретаря клуба Яна Виттенбера) и некоторыми другими аналогичными материалами, мы встречаемся с ярко враждебными социальными документами, несомненно нуждающимися в редакционных комментариях. Это относится в особенности к отвратительному по своим инсинуациям письму Артура Дэвисона Фика¹. Лицемерно говоря о своем сочувствии революционным установкам «Лефта» в плане политики, Фик, спекулируя на этой декларации, пытается далее под видом «невинной» защиты «чистого искусства» дискредитировать самую идею революционного попутничества в искусстве, повторяя старую буржуазную басню о том, что пролетариат не умеет якобы ценить своих союзников, переходящих на его сторону из чужого лагеря. Эти гнусные клеветнические выпады Фика заслуживают, чтобы их процитировать полностью.

«Для меня в основе литературы лежат абсолютно индивидуальные элементарные загадки храбрости, любви и смерти, не имеющие ничего общего с социальной революцией и несколько не затрагиваемые изменениями, происходящими в устройстве внешнего мира. Та поэзия, живопись или музыка, которую я глубоко ценю, никоим образом не могла бы ни способствовать, ни препятствовать тем общественным изменениям, которые я, точно так же, как и вы, считаю желательными. Литература, которая мне особенно дорога, разрабатывает проблему индивидуальной души, движущейся среди тайн времени и пространства, надежды и ужаса, любви и ненависти, — вещей, которые, по всей вероятности, будут неизменны до тех пор, пока человек останется человеком, и которые не подвергаются»

¹ Arthur Davison Ficke.

никаким существенным изменениям в свете всех наших современных научных толкований. Сахар продолжает быть сладким, дружба остается дружкой, а смерть — смертью.

...Прежде чем все мы будем проглочены толпой, давайте по крайней мере поговорим хоть минутку откровенно. Я твердо уверен в том, что толпа ненавидит вас так же, как и меня; в глубине души толпа желает уничтожить всех частных художников, всех экспериментаторов — по той основательной и неопровержимой причине, что эти люди всегда были и будут одинокими, необщительными и слегка презрительно настроенными аристократами духа. Это — необходимое условие для работы творческого ума; и вполне понятно, что толпа относится к этому факту с яростной ненавистью. Поэтому, мне кажется, будет очень забавно, когда в один прекрасный день редакторов «Лефта» и меня самого выстроят перед вооруженным отрядом и расстреляют вместе у одной и той же кирпичной стенки — по столь основательным, хотя и различным причинам.

Желаю вам всего лучшего — я встречу с вами у стенки.

Классово враждебная сущность этих высказываний говорит сама за себя. Сейчас, когда всеобщий кризис капитализма, ускоряя темпы социального распада в лагере буржуазии, обусловливает собой переход на сторону революционного движения все более широких слоев представителей буржуазной интеллигенции, воинствующая буржуазия, в лице своей фашистской и социал-фашистской агентуры, ведет на культурном фронте отчаянную последнюю борьбу за отвоевание у пролетариата его новых попутчиков, новых союзников. Гнусная попытка Фика опорочить, оклеветать пролетарскую революцию в глазах американской революционной интеллигенции — один из моментов этой борьбы.

Да, опасения Фика не напрасны. Его клеветническая контрреволюционная деятельность действительно заранее дает ему право на место «у стенки» после победы пролетарской революции в Америке. Но мы твердо убеждены в том, что он разделит это место не с редакторами «Лефта» — нашими товарищами по борьбе — а со своими соратниками из лагеря буржуазной контрреволюции. Эти соратники представлены и здесь, в отделе писем в редакцию «Лефта», хотя бы, например, в лице Поля Фредерика Баулса¹, открыто провозгла-

шающего себя «ярким врагом всего пролетарского», обрушивающего на «Лефт», как на «модный жест, филантропический бал в честь пятнадцати миллионов дефективных» (иными словами, пролетариев. — А. Е.) и заявляющего о своем

«искреннем убеждении в том, что все рабочие рождены для того, чтобы их угнетали, и что всякая иная точка зрения является лишь формой фатовства, и при этом формой ядовитой».

Конечно, разоблачение истинной классовой политической сущности подобных заявлений не составляет никакой трудности; тем не менее редакция «Лефта» должна была бы, печатая такого рода документы в своем журнале, дать им должный отпор, поставив их в связь с текущими событиями классовой борьбы на политико-идеологическом фронте Америки, вскрыв и обобщив их подлинную политическую направленность.

В то же время эти письма в редакцию «Лефта» имеют для нас еще то значение, что, наглядно показывая, в какой открыто или замаскированно враждебной обстановке протекает работа этого еще молодого, неокрепшего органа американского попутничества, они лишней раз напоминают нам, насколько необходимо оказывать журналу с нашей стороны максимальную повседневную, систематическую поддержку. Честной самокритикой своих ошибок и частичным исправлением их на практике посредством открытого разрыва с Кальвертоном и Пуляйлем и исключения их из списка постоянных сотрудников журнала — редакция «Лефта» доказала свою субъективную готовность идти по пути дальнейшей революционной перестройки журнала. Ей остается теперь проверить объективную значимость этой готовности на всей своей дальнейшей практической работе. На этом пути «Лефт» стоит еще перед целым рядом трудностей, перед угрозой ряда срывов, ряда ошибок. Мы должны сделать все, чтобы помочь ему справиться с этими трудностями, чтобы, если возможно, путем интернационализации всего опыта пролетарского литературного движения в Советском Союзе заранее предостеречь его от повторения лишней раз ошибок, уже преодоленных в процессе развития советских пролетарских литературных организаций, или, если это уже поздно, способствовать нашей товарищеской критикой скорейшему выявлению и исправлению на практике тех или иных уже совершенных ошибок.

¹ Paul Frederick Bowles.

А. Елистратова